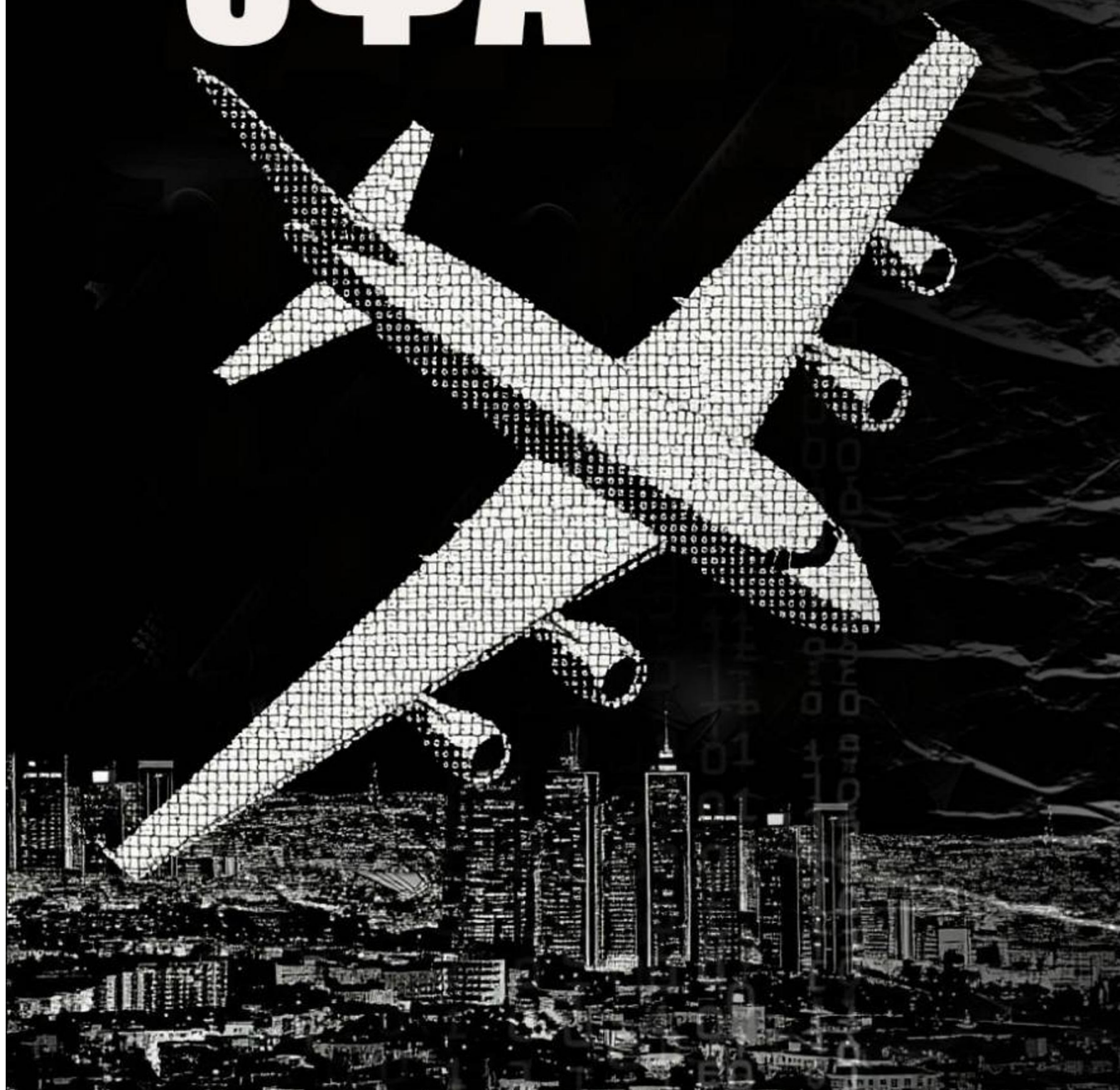

О. И. Райс

ЭФА

Ольга Райс

Эфа

«Автор»

2026

Райс О.

Эфа / О. Райс — «Автор», 2026

Сборник рассказов о вере, надежде, тихом человеческом подвиге и прощении.

© Райс О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Эфа	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Эфа

1. Эфа

1.Рой был сброшен с борта высотного аэростата-носителя на высоте двенадцати тысяч метров. Воздух разрежен. Солнечный свет — резкий, беспощадный — бил по обшивке бликами. Дроны отделились от носителя и, экономя топливо, перешли в планирование. Каждый — автономный модуль, «хищная мошка» с микродвигателем и зарядом усиленной взрывчатки. Радары видели их как помехи — россыпь слабых засветок, неотличимых от перелётных птиц. Алгоритмы «Скифа» — новейшего комплекса ПВО — отсеивали такие сигналы. Именно на это и был расчёт. Затем, словно по команде, двигатели вышли на максимальную тягу, и за долю секунды дроны стянулись в боевой порядок. В тот момент, когда пассажирский лайнер входил в заданный квадрат, рой выстроился в атакующий веер. Рейс 471 Тель-Авив — Москва шёл восточным обходным маршрутом. Воздушное пространство над зоной боевых действий было закрыто, и лайнер уходил длинной пологой дугой, огибая закрытые зоны. На борту — двести тридцать четыре пассажира и восемь членов экипажа. В салоне горел приглушённый свет. Пахло разогретыми обедами. Стюардесса катила тележку по проходу: «Чай, кофе?» В глубине салона пожилая женщина в платке перебирала чётки. Мальчик семи лет, прижавшись лбом к иллюминатору, держал в руке пластмассовую модель самолёта — белый «Боинг» — и тихонько гудел, изображая двигатели. Мать сидела рядом. Два года больниц. Химия. Страх. Бессонные ночи. Всё закончилось. Ремиссия — устойчивая. Они возвращались домой. За стеклом, в под-свеченных закатным солнцем облаках, мальчик заметил странные, быстро движущиеся тени. Они скользили наискосок, то пропадая, то появляясь вновь, и от них расходились едва заметные инверсионные следы. Он хотел сказать: «Мама, смотри, птицы...» — но не успел. Фронтальная тройка вошла в левый двигатель. Три беззвучные вспышки слились в один рваный грохот. Лопатки компрессора разлетелись раскалённой шрапнелью, вышибая иллюминаторы. В пробоины хлынул керосин, пары мгновенно воспламенились — двигатель взорвался изнутри. Лайнер клюнул носом. Свет погас. Мальчика вырвало из кресла. Пластмассовый «Боинг» выпал из рук — и пропал в черноте. Второй двигатель взорвался через секунду. Фюзеляж разломился на три части. Закатное небо осветилось кроваво-красным. Обломки, кувыркаясь, понеслись к земле.

2.Глеб Сабуров проснулся рывком, хватая ртом воздух. Подушка — мокрая от пота. Кровь стучала в висках. Перед глазами — картинка из сна: силуэт ребёнка у иллюминатора, вспышка, утопающий в черноте белый «Боинг». Лиц пассажиров он не видел, но знал — там были его сын и жена. Глеб опустил босые ноги на холодный пол. За окном просыпался город. На тумбочке телефон — пропущенных вызовов нет. Всё это было лишь сном. Он попытался отогнать морок. Вчерашняя сводка: неопознанные малоразмерные сигнатуры над закрытыми зонами. Списано на помехи. Мозг, как хороший аналитик, сложил осколки данных в единую картину, от которой сознание отмахивалось. Впереди ждал обычный рабочий день...

3.Полгода назад Сабуров ещё верил, что мир можно описать уравнением. Он сидел в кабинете, перед ним на мониторе — результаты симуляций «Скифа». Двенадцать миллионов сценариев, ноль ложных срабатываний, время реакции — менее полутора секунд. Машина видела лучше оператора, считала быстрее и никогда не ошибалась. Сабуров называл это «последней аксиомой защиты»: идеальный алгоритм, исключаящий человека из финального контура принятия решений. Ни страха, ни жалости, ни усталости. Чистая математика. И торжество человеческого разума. В дверь без стука вошёл Лапин. Выглядел так, словно не спал несколько суток: под глазами чернота, рубашка мятая. Когда-то дружили, вместе чертили первые схемы в студенческом общежитии, но теперь от той дружбы остался только профессиональный холод и раздражение. — Проект «Семья», — Лапин бросил папку на стол. —

Бионический рой дронов. Почитай, Глеб. Сабуров открыл без интереса. Первая страница — эскиз винта. Вторая — симуляция атаки роя. Идея была элегантной. Пугающе элегантной. — Ты предлагаешь вооружить этим армию? — спросил он, не поднимая глаз. Лапин опёрся ладонями о край стола. — Я предлагаю тебе понять, что твой «Скиф» — решето. Он заточен под крупные цели. Ракеты, бомбардировщики. Рой он просто не заметит. Фильтры отсекут его как помеху по массе. А когда рой соберётся у цели — будет поздно. — Ты предлагаешь мне тратить бюджет на гипотетическую угрозу? На чертежи, которые даже не дошли до прототипа? — Я показал первый опытный образец Грачу, — тихо сказал Лапин. — Он покрутил пальцем у виска и велел закрыть проект. Сабуров захлопнул папку. — Антон, я понимаю твою тревогу. Но нужны полноценные испытания. Ты предлагаешь ставить на уши всё КБ ради того, что даже твой начальник завернул? — Я предлагаю тебе посмотреть на цифры, — голос Лапина стал жёстким. — Когда рой выйдет из маскировки в атакующий веер, время перестроения — восемь десятых секунды. Реакция «Скифа» — одна и три десятых. Вы проиграете до того, как заметите угрозу. Сабуров молчал. В висках стучало: «А что, если...». Но следом, громче и жёстче, — «Нет. Бред». Если Лапин ошибается, он выставит себя дураком перед комиссией ради паранойи бывшего друга. — Твоя разработка сырая. Я не могу рисковать всем комплексом. Давай вернёмся к этому через год. — Через год будет поздно. — Я сказал — вернёмся. Лапин посмотрел на Сабурова долгим, тяжёлым взглядом. Потом вынул из нагрудного кармана карандаш со сменными грифелями — тот самый, которым они ещё в институте чертили первые схемы, — сломал пополам. Обломки упали на стол. Лапин вышел из кабинета, не оборачиваясь. Сабуров смотрел на сломанный карандаш. Гордость не дала остановить друга. Через неделю Лапин уволился. Связи оборвались. Сабуров вычеркнул его из контактов и с головой ушёл в «Скиф». Ещё через месяц комплекс вышел на боевое дежурство. Сабуров больше не вспоминал о рое Лапина. До тех пор, пока однажды не проснулся в холодном поту. 4. СМС пришла в 10:23, когда он сидел в командном центре, проверяя логи ночного дежурства. Стояла глубокая осень. За окнами базы ветер гнал по степи жёлтую листву, небо висело низкое, серое. База располагалась в пятнадцати километрах от Воронежа. «Ремиссия устойчивая. Скоро будем дома», — прочитал он сообщение жены. К тексту прилагалось фото: Федя на фоне огромного окна аэропорта, в руке — белый «Боинг». Улыбается. За стеклом — рыжее небо Тель-Авива. Сабуров замер. Игрушечный самолет в руке сына был точной копией того, что он видел падающим в черноту во сне прошлой ночью. Морок накатиł с новой силой, сердце заныло. Он моргнул, отгоняя наваждение, и нервно убрал телефон в карман. На главном экране командного центра горели зелёные метки гражданских бортов. Среди них — яркая точка рейса 471. — Эльвира с Федькой летят, — бросил он Корнееву, старшему оператору. Корнеев — ровесник Сабурова, но выглядел старше: на шее, чуть выше ворота, виднелся краешек татуировки — якоря, набитого ещё на флоте. — Давно пора, — кивнул он. — Два года по больницам, мальчику надо домой. Оператор РЛС, молодой лейтенант Гушин, вскрикнул. — Неопознанная цель в секторе семь. Сигнатура ни на что не похожа. Сабуров подошёл к экрану. Метка приближалась. Не ракета — скорость мала. Что-то непонятное, смазанное, рассыпающееся на фильтрах в пшено. — Это что за чёрт? — Корнеев подался к экрану. — Птицы? Сабуров молчал. Рука сама потянулась к телефону. Перед глазами СМС жены: «Скоро будем дома». Страх накрыл ледяной волной. Он уже видел это. Видел — и отмахнулся. — Множественные цели! — голос Гушина сорвался. — Двенадцать субцелей... Выстраиваются в атакующий веер, курс на рейс 471! Сабуров бросился к консоли. Пальцы ударили по клавишам. «Сейчас. Сейчас Скиф их увидит!» Он верил в свой алгоритм до последнего. — Ручной захват! Отключай фильтры к чёртовой матери! — Поздно, — выдохнул Гушин. — Рейс 471... нет контакта. Тишина в командном центре стала абсолютной. Десять секунд. Пятнадцать. Двадцать. Сабуров стоял у главного экрана, глядя в пустоту, где только что горела зелёная метка. Он знал. И ничего не сделал. — Подтверждение, — выдавил Корнеев. — Крушение. Сабуров молча покинул аппаратную. В коридоре он прислонился

спиной к холодной стене и закрыл глаза. Внутри что-то оборвалось. Вместо картин крушения он видел только одно: сломанный карандаш Лапина на столе. Корнеев выбежал следом, схватил его за плечи. — Глеб Викторович, держитесь. Слышите?! Держитесь. — Отпусти, Серёж... — голос перешёл в хрип. — Я видел... знал... И снова ничего не сделал! Корнеев молча прижал его к себе. Сабуров уткнулся лицом в его плечо и завыл. Корнеев стоял и держал его. Молча. Крепко. Потом Сабуров выпрямился, вытер лицо рукавом, пошёл в уборную и долго умывался ледяной водой. Поднял глаза к зеркалу. Оттуда смотрел кто-то с красными глазами и седыми висками. — Ты убил их, — сказал он отражению. — Не дроны. Ты. Полгода назад ты мог... И этого бы не случилось! 5. Через день после похорон Сабуров сидел в пустом кабинете. В дверь постучали. Вошёл Корнеев и положил на стол конверт. — Глеб Викторович, там в приёмной какой-то тип оставил. Сказал — от Феди. Сабуров похолодел. — От кого? — Не знаю. Худой, в кожаной куртке. Сказал: передайте полковнику Сабурову, он поймёт. И ушёл. Сабуров разорвал конверт. Внутри — сложенный в виде самолетика лист. Дрожащими руками он развернул его. Увидел блок-схему акустического фильтра. На одной стороне написано: «Частота биений. Мёртвая зона для радара — живая для микрофона». — Кто передал? — переспросил Сабуров, сжимая самолётик. — Я же сказал... Высокий. Очень бледный. — Лапин, — выдохнул Сабуров. — Он был здесь. Он убрал самолётик во внутренний карман. — Сначала — доложить генералу. Сабуров развернулся и пошёл к двери. Пальцы похолодели и мелко задрожали. Будет новая атака. Скоро. 6. Сабуров стоял перед советом. Два десятка генералов и гражданских экспертов внимательно смотрели на него. Проектор высвечивал на экране траектории падения обломков рейса 471. Сабуров говорил ровно, но с каждым словом голос становился глуше: — Рой невидим для «Скифа». Не потому, что система плоха. Она совершенна — для чего создавалась. Мы учили радар видеть металл, излучаемое тепло. А рой Лапина — это тень. Он растворяется в фильтрах по массе, по скорости, по сечению. Он проходит сквозь нашу защиту, как песок сквозь пальцы. Он перевёл дух и посмотрел прямо в глаза председателю совета: — Я не знаю ещё, как это сделать. Но я знаю — мы должны попытаться. Сейчас. В зале повисла пауза. Потом генерал Грач — тот самый, который полгода назад завернул проект Лапина, — медленно поднялся. Сабуров заметил, что пальцы генерала едва заметно барабают по столу. — Полковник Сабуров, вы просите перестроить всю концепцию ПВО? Сколько времени вам нужно? — Тридцать суток, — ответил Сабуров, хотя внутри понимал: это почти невозможно. — Даю двадцать, — отрезал Грач. Губы генерала тронула усмешка, словно он знал что-то, чего не знали остальные. — Через двадцать дней совет ждёт работающий прототип. Или вашу отставку. Сабуров кивнул. Слова «или отставку» он уже не слышал. Он думал о том, что двадцать дней — это еще и двадцать ночей. 7. Двадцать суток, отведённые Грачом, слились в один бесконечный день. Сабуров не выходил из лаборатории. Дождь заливал микрофоны — он вырезал шум из спектра. Модули перегревались — менял чипы по ночам. Гражданские дроны давали ложный сигнал — он перебирал частоты, резал фильтры, но рой словно растворялся в эфире, оставляя лишь смазанное эхо. Идея со звуком казалась единственной, но внешний шум забивал всё: ветер, дождь, гул генераторов. Микрофоны сходили с ума от помех. Корнеев молча приносил еду и уходил. Иногда останавливался в дверях, смотрел на осунувшееся лицо Глеба — и молчал. На пятнадцатый день Сабуров упёрся в стену. Он сидел перед монитором, уставившись на спектрограмму, где сигнал тонул в белом шуме. Отчаяние накрыло его с головой. Он встал, вышел из лаборатории и побрёл по базе, сам не зная куда. Оказался на улице. Небо на западе ещё горело, а с востока уже напознала синяя осенняя ночь. Сабуров прошёл мимо антенных полей и остановился у старого дренажного кювета, наполовину заросшего травой. Недавний дождь оставил в нём длинную лужу. Вода была неподвижной. Он сел на корточки, глядя на тёмную гладь. И тут, он сделал то, чего никогда раньше не делал. Просто выдохнул и прошептал: — У меня больше нет сил. Нет идей. Нет расчётов. Я не умею просить. Научи. Или... Это было робкое, почти детское обращение к Богу. Без уверенности. Без надежды, что

ответят. И в этот момент налетевший порыв ветра качнул кусты — и по луже прокатилась рябь. Две системы волн, отражённых от разных берегов, наложались друг на друга — и в одной точке совершенно погасили друг друга. Поверхность стала зеркальной. Интерференция. Глаза Сабурова расширились. Пальцы сжали колено. Он замер, боясь спугнуть мысль. Интерференция! Рой не просто «маленький» — он использует противofазную маскировку. Именно это делает его невидимым для радара: волны гасят друг друга, создавая радиолокационную тень. Но если есть мёртвая зона, где волны взаимно уничтожаются, значит, есть и особая зона — та самая, в которой энергия никуда не исчезает, а переходит в низкочастотную область. Частота биений! И эту низкую частоту, эти биения, можно услышать. — О, Господи... — выдохнул он. Слово вырвалось само. Он даже не заметил, что произнёс его — с благодарностью. Вот она! Искомая сигнатура, невидимая для «Скифа», но слышимая для акустики. Он бросился назад в лабораторию, по пути натываясь на ящики. — Корнеев! — крикнул он уже в коридоре. — Серёжа! Мы искали не там! Мы слушали шум, а надо слушать тишину! Он влетел в аппаратную, на ходу перестраивая схемы. Пальцы летали по клавиатуре. Через шесть часов, когда за окном забрезжил рассвет, динамик акустической решётки впервые чихнул чистым, безошибочным сигналом. Эфа услышала рой! ЭФА! Сабуров дал системе имя — «Эфа». Эльвира и Фёдор. Его жена и сын. Теперь их именами будет назван новый щит. Он принял это без анализа. Просто как данность. Двадцать суток, обещанные Грачом, истекли, но совет пошёл на короткую отсрочку — слишком велики были ставки. На двадцать четвёртый день прибыла последняя партия антенных модулей. Сабуров лично проверил каждый. Вечером он вышел на улицу, сел на бетонный блок и поднял голову к небу. Ветер принёс запах сухих трав. Он долго смотрел на звёзды — редкие, бледные, но уже проступающие сквозь осеннюю дымку — и думал о том, что впервые за много месяцев не чувствует себя одиноким. Рядом было что-то ещё, чему он не мог дать имя, но что ощущал кожей. Финальные испытания прошли на двадцать восьмой день. Комиссия подписала акт: система принимается в опытную эксплуатацию. Сабуров вышел в коридор, прислонился к стене и закрыл глаза. Он всё сделал. Всё, что мог. 8. «Эфа» заступила на боевое дежурство. В первые дни операторы вздрагивали от каждой чайки на радаре. Сабуров не покидал командного центра, ночуя в кресле. Шли дни. Атаки не было. Неделя. Вторая. На четырнадцатую ночь Сабуров сидел в аппаратной, глядя на ровные зелёные линии. Вошёл Корнеев, поставил термос с чаем и контейнер с котлетами. Сел напротив, расстегнул ворот — мелькнул якорь. Положил руки на стол, переплёл пальцы. Губы беззвучно шевельнулись. Сабуров молча смотрел, как Корнеев размашисто перекрестился и только потом принялся за еду. — Ты это... что... молишься? Корнеев откусил хлеб, прожевал, не торопясь. Поставил кружку на стол и посмотрел куда-то в стену — сквозь неё, в другое время. — Да, — сказал он тихо. — С того самого дня, когда я потерял брата. Мы служили на Северном флоте, на атомоходе. Он был старшим механиком, я — акустиком. В том походе случилась авария. Система охлаждения реактора дала сбой. Мой брат пошёл в отсек, чтобы закрыть задвижку вручную. Он знал, что доза будет смертельной. Знаешь, что он сказал перед тем, как спуститься? «Серёжа, присмотри за моими. Ты теперь за старшего». Я стоял у переборки и слышал, как шипел пар. А потом — тишина. Он сделал своё дело. Реактор не взорвался. Лодка и сто тридцать человек остались живы. Он замолчал. Поднес кружку к губам, но не пил. — Там был священник. С нами на лодке. Старый, седой, с деревянным крестом на груди. «У Бога нет мёртвых. Все живы», — сказал он мне. Я разозлился, хотел ударить его, даже кулак сжал. А он просто стоял и смотрел на меня без страха. И улыбнулся: «Давай помолчим, Сергей». Мы молчали долго. Я не знаю, что произошло. Но мне стало легче. А потом священник сказал: «Бог не обещал нам лёгкой жизни. Он обещал, что всегда будет с нами. До конца». Сказал это и ушёл. Корнеев отпил чай и поставил кружку на стол. — Я не хожу в церковь каждое воскресенье. Иногда срываюсь. Но с тех пор каждый вечер, перед сном, я говорю Ему: «Прости меня сегодняшнего. И помоги завтрашнему». И становится легче. Потому что я больше не один. И брат мой

— он жив. Не здесь. Но где-то рядом. Я просто это теперь знаю. Сабуров слушал, не перебивая. Где-то в груди дрогнуло — не боль, не жалость, что-то другое, тёплое и одновременно острое, как первый луч солнца сквозь штормовые тучи. Он смотрел на Корнеева и видел перед собой не старшего оператора, не сослуживца, а человека, который прошёл через тот же ад — и нашёл силы жить дальше. — Спасибо, — сказал Сабуров. — За всё. Корнеев кивнул, подвинул к нему кружку с чаем и больше ничего не говорил. 9. Атака пришла на рассвете пятнадцатого дня. Сабуров дремал в кресле, когда первый сигнал разрезал тишину аппаратной. В 6:47 акустическая решётка взвизгнула. — Частота три тысячи, эталон «Семени»! — крикнул оператор Гушин. — Двенадцать субцелей на северо-западе! Дистанция — сто двадцать километров! — Огонь! Микроволновый луч ударил. На экране одна за другой гасли алые метки. Дроны вспыхивали, как спички, и рассыпались в пыль. Через сорок семь секунд первая группа была уничтожена. Ни одна не прорвалась. Но Сабуров не расслаблялся. — Это разведка, — сказал он тихо. — Жди второй волны. Второй детектор ожил через восемнадцать секунд. — Вторая группа! С востока! — Гушин впился глазами в монитор. — Двадцать четыре субцели! Курс на город! Сабуров перевёл взгляд на карту гражданских объектов. Красная зона накрывала спортивный комплекс. Сердце пропустило удар. — Курс на стадион, — подтвердил Корнеев. — Расчётное время до цели... Таймер на мониторе включился автоматически: 02:47 — Там детские соревнования, — выдавил Корнеев. — Утром по радио слышал — тысячи детей. Сабуров уже знал. Он видел это как наяву: трибуны в шариках, родители с телефонами, дети на стадионе. И над ними — двадцать четыре дрона, несущих смерть. — Сирены по городу! — заорал он в микрофон. ЭКСТРЕННАЯ ЭВАКУАЦИЯ СО СТАДИОНА! НЕМЕДЛЕННО! Завыли сирены. — «Эфа», работа по целям! Собственный голос показался ему чужим. Имя жены и сына, брошенное в грохот сирен, обожгло губы. 01:53 Луч ударил. Дроны гибли один за другим. Но их было двадцать четыре. Слишком много. — Девятнадцать уничтожены! — крикнул Корнеев. — Пять прорвались! На карте пять алых точек устремились к стадиону. Они шли низко, огибая жилые кварталы. — Две срезаны! — Гушин почти кричал. — Ещё две подбиты на выходе из-за зданий! 00:38 Одна метка осталась. Пятый дрон ушёл вдоль кварталов, нырнул в тень высоток и вышел с южной стороны стадиона — прямо над верхним ярусом трибун. — Он вышел из мёртвой зоны! — закричал Гушин. — Угол облучения — двенадцать градусов! «Эфа» не может захватить! Вот она. Та самая мёртвая зона. Физика, которую не обмануть. Эфа слышала цель, но луч не мог сфокусироваться. — Перестрой веер! — заорал Сабуров. — Не успеваю! — Гушин молотил по клавишам. — Системе нужно пять секунд на перекалибровку, а дрон... 00:18 Таймер горел. На экране наружного наблюдения — верхние ряды. Дети бежали к проходам, но их было слишком много. Узкие проходы, давка. Тренеры кричали, размахивали руками, пытались направить толпу. Кто-то упал. Сабуров смотрел на таймер. Пять секунд перекалибровки. Дрон в воздухе. Дети ещё на трибунах. Слишком мало времени. Слишком много жизней. 00:10 — Три градуса! — Гушин сорвался на крик. Сабуров смотрел на экран. И понял: всё, что он умел и на что надеялся, — алгоритмы, расчёты, логика, — снова бессильны. Ни один код не остановит этот дрон сейчас. Ни один луч не перестроится за пять секунд. 00:07 Сабуров прошептал: — Господи, — голос был сдавленным, чужим. — Спаси их. Детей. Они не виноваты. Это я не досчитал. Это я не успел. Прости их. А меня... меня не надо. Только их. Никакой логики. Никакого расчёта. Только отчаянная, обнажённая вера, которая не помещалась ни в один алгоритм, не поддавалась ни одному объяснению. 00:02 Сабуров открыл глаза. Дрон на экране уходил в пике. И вдруг — рывок. Нелепый, хаотичный. Дрон вильнул в воздухе, словно наткнулся на невидимую стену. Без какой-либо видимой причины, без команды, без глитча в программе. На мгновение он потерял траекторию — и ушёл чуть левее. Туда, где верхний ярус уже был пуст. — Он сменил курс! — закричал Гушин, не веря своим глазам. — Нет причин! Он просто вильнул! Взрыв. Бетонная балка над верхними рядами приняла удар. Осколки хлестнули по пустым сиденьям. Трибуны содрогнулись. Тишина. Таймер остановился на нуле. 00:00 На экране

— дым, бетонная крошка, белые шары, которые ветер уносит в небо. Медики бегут по полю. Двое погибших, семеро раненых — среди взрослых. Среди детей — ни одного. Сабуров смотрел на таймер. Цифра «2». Не «1000». Не «200». Двое. Что в последнюю секунду изменило траекторию дрона? Алгоритм перекалибровки ещё не отработал. Это было невозможно. Но это случилось. — Отдельная цель! — закричал Корнеев. — Охотник! Идёт на нас! Это не случайный дрон! Он запрограммирован на подавление источника «Эфы»! Одна субцель шла отдельно. Она наводилась на источник излучения — на командный пункт. Расчётное время до взрыва — тридцать секунд. Сабуров вскочил. — Гаси антенну! Он вырубил основную решётку, лишая дрон активного сигнала. Схватил тепловизор. «Охотник» шёл по последней засечке. Сабуров выскочил на крышу. Дрон вынырнул из облаков. С юга ударили две ракеты. Вторая разнесла его в тридцати метрах от крыши. Взрывная волна швырнула Сабурова на бетон. Осколки чиркнули по плечу. В груди разлилась жгучая боль, дыхание перехватило. Провал. 10. Госпиталь. Врачи сказали — сердечный приступ на фоне запредельных перегрузок и контузии. Две недели постельного. Корнеев навестил на второй день. — Система работает. Ещё одна атака пресечена этой ночью. Грача взяли, — доложил он. Сабуров медленно повернул голову на подушке. — Грача? — Лапин, ещё когда работал над «Семенем», наткнулся на странные счета — офшоры, подставные фирмы. «ТрансЛогистик». Он тогда не знал, чьи они. А когда Грач завернул проект, Лапин начал копать. И вышел на него. Полгода собирал доказательства. Биллинги, переписку, финансовые цепочки. Всё подтвердилось: Грач думал, атаки пойдут за границей. Не рассчитал, что покупатель повернёт оружие против нас же. А когда понял — было поздно. Сабуров закрыл глаза. Вспомнил усмешку Грача, его пальцы, барабанившие по столу. — А Лапин? Корнеев помолчал. — Ищут. Ни тела, ни следов. Как сквозь землю. Сабуров смотрел в потолок. — Найдут? — Не знаю, Глеб Викторович. Может, и не найдут. Сабуров отвернулся к окну. За стёклами плыли облака. Он ничего не сказал, но про себя подумал: «Может, и не надо». Корнеев поднялся, достал из сумки небольшой свёрток. — Чуть не забыл. Это вам. Сабуров развернул ткань. Внутри — обгоревший игрушечный белый «Боинг». Тот самый. Поцарапанный, с отломанным крылом. — Но как? Откуда? — Внизу оставили. Сабуров прижал игрушку к груди и закрыл глаза. Корнеев тихо вышел. 11. Выписали Сабурова через две недели. У крыльца ждал Корнеев. — Садитесь, Глеб Викторович. — Спасибо, Серёж. Только сперва — на кладбище. Ехали по мокрому асфальту. Корнеев остановил машину у ограды. — Я подожду. Сабуров пошёл один. Мокрые листья прилипали к ботинкам. Две свежие могилы рядом. Жены и сына. Опустился на колени. Заморосил дождь. — Простите меня. Больше он ничего не мог сказать. Слова застряли в горле. Он просто стоял на коленях, и дождь смешивался со слезами. Потом достал обгоревший «Боинг» и положил на могилу сына, между надгробием и увядшими цветами. Поднялся. Дождь перестал. В облаках проглянуло солнце — робкое, осеннее, но тёплое. Развернулся и пошёл к выходу. У ограды ждал Корнеев. — Перестал, — сказал он про дождь. — Перестал. Сели в машину. Корнеев завёл мотор. — Куда? — На базу. Фильтр доработать. Мёртвую зону убрать. — А потом? — Жить. Машина тронулась. Глеб смотрел в окно. Не анализировал траектории встречных машин, не прикидывал время до пункта Б. Просто смотрел, как плывут облака. Одно из них, рваное по краям, напомнило ему птицу. Он вдохнул — глубоко, всем животом, без привычного спазма в груди. И не выдохнул резко, как обычно, а медленно, почти беззвучно, будто выпуская из себя не воздух, а боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.